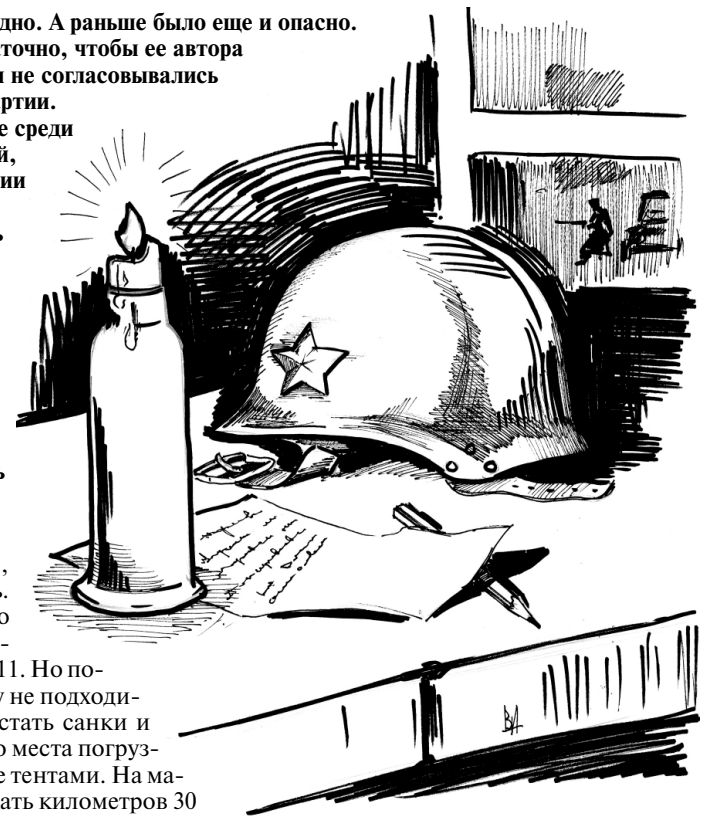
Из Ленинграда – на Кавказ

В январе 2004 года наш город отметит еще одну памятную дату – 60 лет полного снятия блокады Ленинграда. Почти три года продолжалась вражеская осада. Ни одному городу ни в одной из минувших войн не выпадали на долю столь суровые и длительные испытания. Жители Ленинграда пережили голод и бомбежки, проявляя при этом мужество, отвагу и поразительную стойкость. Суть этих испытаний очень точно и емко определила поэт блокадного города Ольга Берггольц, написав: «Я не геройствовала – я жила». Есть в ее поэзии и такие строки:

Мы жили,
мы дрались,
мы плакали, скорбя,
Мы голодали, нам бывало страшно.
Нам никогда не позабыть себя,
Не бронзовых – живых, простых, вчерашних.

О блокаде мы знаем из рассказов наших родных, из фильмов и книг. Каждое свидетельство очевидцев открывает перед нашими современниками новую главу героической истории обороны города. В этой коллективной летописи есть страницы, заполненные сотрудниками и студентами Электротехнического института. 60 лет назад они сражались на фронте под Ленинградом, они выживали в осажденном городе. Их воспоминания о пережитом передают дух времени, помогают понять, как сумели эти люди выстоять, выжить и победить.

Вспоминать о блокаде трудно. А раньше было еще и опасно. Строчки могло быть достаточно, чтобы ее автора арестовали, если сведения не согласовывались с официальной версией партии. Возможно по этой причине среди дневников и воспоминаний, хранящихся в музее истории ЛЭТИ, есть одна работа, автора которой не удалось установить. На кипе машинописных листов – лишь заглавие: «Записки блокадника». Но отсутствие имени не мешает нам понять переживания студента ЛЭТИ блокадной поры. 3 марта был назначен день эвакуации студентов из Ленинграда.



«Поезд отправился, когда уже начало темнеть. Он шел медленно, всю ночь, на конечную станцию мы прибыли часов в 11. Но почему-то машины к поезду не подходили, необходимо было достать санки и на них везти свои вещи до места погрузки в грузовики, покрытые тентами. На машинах нужно было проехать километров 30 по льду Ладожского озера до противоположного берега. Там мы получили первый настоящий обед, о котором все мечтали, наверное, полгода. Потом нас посадили в эшелон, в котором были как пассажирские вагоны, так и теплушки – товарные вагоны с двухъярусными нарами по краям и печуркой в центре. Я никогда не отличался расторопностью и попал в теплушку.

В нашем составе ехали все, имеющие отношение к наркомату судостроительной промышленности: рабочие, сотрудники с различных предприятий и организаций и их иждивенцы, студенты Кораблестроительного и нашего Электротехнического института. Если в поезде от Финляндского все наши студенты были в одном вагоне, то теперь все перемешались, и знакомых почти не было.

Ехала в нашем вагоне одна старушка. Очень она радовалась, что эшелон направляется прямо к ее родному городу Галичу. Целый день только и говорила, какой хороший это город, какое там озеро, как хорошо она там будет жить. Утром соседи стали ее будить: «Ну, бабка, вставай! Приехали в твой Галич». А старушка умерла...

Наш поезд еле тащился. Люди стали чувствовать себя все хуже и хуже. Из соседнего вагона вынесли труп учившейся со мной в одной группе Али Московцевой, милой и скромной девушки, получавшей только пятерки. Доехать ей до родного города Бора оставалась сотня километров.

На одной из остановок я встретил Серегу, с которым учился в школе, оказывается, он ехал в соседнем вагоне. Учился он в Кораблестроительном. Он ничуть не изменился за эти годы и выглядел так, как будто бы в блокаде и не бывал. Как он мне сказал, отец его имел какое-то отношение к хлебу. Я с завистью посмотрел, как он легко вскакивал на подножку вагона

Я все время сидел около печурки в каком-то забытьи. Даже днем мне хотелось спать, разговоры и обращения ко мне я почти не воспринимал. Голова моя все клонилась вниз и даже упала на печурку, так что начал тлеть шлем...

В Горьком меня и еще нескольких студентов сняли с эшелона и отправили в автозаводскую больницу. А мои вещи почему-то оказались в далеком Пржевальске, на озере Иссык-Куль. <...> Нас постригли, накормили, помыли. Представлял я зрелище, наверное, страшное. Можно было пересчитать не только ребра, но и все другие кости.

В апреле нас выписали из больницы. Все стали готовить документы – справки для поездки к родителям. Я о своих родителях ничего не знал, они находились на оккупированной территории. Оказалось, что к этому времени ЛЭТИ уже эвакуировался на Северный Кавказ. Я попросил в отделе устройства эвакуированного населения Облисполкома направить меня туда. Мне выдали справку, что я отправляюсь в Пятигорск к месту жительства своих родственников. «У нас другой формы нет», - сказали мне».

Подготовила Ольга РОМАНОВА. Рисунок Виталия ШИВРИНА

ПИСЬМА ИЗ БЛОКАДЫ

У войны не женское лицо

У войны не женское лицо, но именно женщины и дети, оставшиеся в блокадном городе, приняли на себя всю тяжесть испытаний. Судьбе было угодно, чтобы Галина Алексеевна Андреева вместе с мамой пережила драму блокады, выжила в осажденном Ленинграде. После войны она выросла, выучилась, стала медиком и вот уже больше 30 лет работает в нашем вузе, медсестрой профилактория. Но войну не забудет никогда, ее забыть невозможно.

Как и многие сверстники в то время, Галина гасила «зажигалки», бегала в магазин отоваривать карточки, ходила на Неву за водой, возила воду на санках бабуле, которая не могла сама привезти. Работать ее не брали – всего 11 лет – не оформить. «Сколько себя помню, - говорит Галина Алексеевна, – я все время бегала. Другие дети все сидели у печек, грели воду и пили кипяток – есть-то было нечего. От этого они опухали и умирали. Один раз пришла к подружке, а у нее на щеках даже трещины образовались: настолько опухла от воды».

А Галя была на удивление волевой девочкой, настолько, что сейчас сама изумляется своей стойкости: «Иногда к пайку хлеба (а он был 120 грамм для иждивенцев и 250 для рабочих) давали довесок – 5-10 грамм. Так вот я его несла домой – не ела». Сила воли спасла Галю и ее маму во время эвакуации. Очень много людей погибло, уже вырвавшись из кольца блокады. Они сразу же съедали выданный паек...и умирали.

Эвакуация – это отдельный рассказ о счастливом случае. Галина Алексеевна пыталась эвакуироваться два раза. И оба раза ее спасало какое-то неведомое чудо. Осенью 1941 года был издан приказ: эвакуировать детей. Эшелоны отправляли от Удельной. «До нас отправили один эшелон, второй... Рев такой! Детей ведь отправляли без матерей. И тут объявляют по радио: «Эвакуация детей отменяется»...» Оба эшелона с детьми разбомбили. Кто-то уже успел сообщить неприятелю – «в городе были предатели, которые доставляли противнику нужные сведения, во время бомбежек пускали ракеты для наводки на стратегические объекты».

Галя осталась в Ленинграде. Встречая новый 42 год, они делали из картона коробочки, куда клали конфеты, и вешали на елку. «Тогда еще конфеты в доме были!»

Но с каждым днем становилось все труднее и голоднее. Галина Алексеевна вспоминает, как рискуя жизнью, получали продукты. Однажды, в магазине посчастливилось «отоварить» продуктовую карточку. Но тут обстрел начался. Не обращая внимания на бомбежку, девочка спешила домой, поскольку знала: мама в бомбоубежище без нее не пойдет. Военные на улице пытались ее остановить, не пустить. Куда там! Побежала со всех ног: домой, к маме...

Вторая попытка эвакуации закончилась успешно, хотя выжили они опять чудом. В мае 42-го года был приказ исполкома: матерей с детьми эвакуировать. А мама Галины Алексеевны не хотела уезжать, с трудом Гале удалось ее уговорить: «Мамочка, поедем, помрем ведь с голоду». От того места, где сейчас стоит памятник прорыву блокады, ходила баржа на другой берег Ладожского озера. Пошел проливной дождь, Галина Алексеевна говорит, что такого дождя больше никогда не было на ее памяти. К тому же началась бомбежка. Галя с мамой накрылись большим пледом в клетку с кисточками (какие подробности помнятся). Так и просидели весь путь до берега. Перебрались!

ТЕМ ВРЕМЕНЕМ

Бойцы студенческого фронта

Несколько десятилетий назад студент особо не задумывался, чем заняться во время каникул. Сотни стройотрядов уезжали в Сибирь, на север и на юг: осваивать целинные земли, строить дороги, мосты... Почти вся студенческая братия прошла эту школу, где ребята не столько зарабатывали деньги, сколько находили себе друзей, учились жить.

Сравнивать те армии студентов, кочующие по стране с песней и шуткой, с сегодняшними стройотрядами довольно сложно. Попасть на стройку образца 80-90 года было непросто – существовал довольно жесткий конкурс. Но меняются времена – меняются и люди. Тем не менее, традиция все еще жива и не думает умирать. Кто знает, может через пару лет движение наберет такую силу, что даже превзойдет стройотряды советской эпохи.

А пока в пятом корпусе нашего университета с утра до вечера из окошек самодельных «офисов» бойцы, как они сами себя называют, призывают вступать в их ряды. Пожалуй, самым большим успехом пользуются педагогический отряд «Мишка», возможно, благодаря активности агитаторов. Их соседи – еще один педагогический отряд «Корчагинцы» и отряд проводников «Стрела» – даже жалуются (хотя и в шутку, здесь не обижаются на конкурентов) на то, что «Мишки» переманивают их «клиентов».

Сегодня многим сложно понять, что побуждает студентов вступать в стройотряды. Аня, «боец» педагогического отряда «Мишка» говорит, что это точно не деньги, потому что зарплата вожатых символическая. Зато она с восторгом говорит о том, что дети, у которых Аня была вожатой, называли ее мамой. А Илья, «просто боец» отряда «Корчагинцы», рассказал, что один из заполнивших анкету в пункте «предполагаемый заработок» написал: «На детях не зарабатывают». Что касается проводников, Алексей, командир отряда «Стрела» согласился, что деньги играют важную роль. Он, к примеру, за полтора месяца этим летом заработал 13 тысяч. И все-таки, деньги решают далеко не все: «Если бы не отряд, неизвестно, когда бы я увидел море. Когда в окне поезда появились море и горы, я просто забыл обо всем на свете».

Так что, когда будешь проходить мимо, подумай еще разок: «А ты записался в стройотряд?»

На стажировку – в Скандинавию

Энтузиастов научно-исследовательской деятельности среди молодых специалистов не так уж много: наукой не прокормишься. Поэтому молодежь в науку и не рвется. Но иногда стимул для занятий ею появляется в виде грантов и стажировок, которые финансируются различными фондами и организациями.

В субботу 29 ноября в ЛЭТИ на кафедре САУ состоялась встреча аспирантов и молодых ученых с преподавателями стран балтийского региона – участниками сетевого проекта «NorFA Network for Research and Training». Семинар проводили: NorFA и факультет электротехники и автоматики совместно с Северо-Западной секцией IEEE и студенческим отделением IEEE нашего университета.

NorFA – это программа по поддержке обмена студентами и их стажировок в скандинавских странах, в ней участвуют: скандинавские страны, страны Балтийского региона и Северо-Западный регион России.

В связи с этим ученые из Технических университетов Хельсинки и Лапееранты слушали доклады студентов и аспирантов (доклады читались на английском языке), чтобы выбрать кандидата на получение гранта. Среди претендентов были аспиранты Валентин Джанхотов (ФЭА), Евгений Пикулин (ФРТ) и студент второго курса ФКТИ Иван Рыжов. Кому представился шанс побывать в Скандинавии, мы скоро узнаем.

О. Р.